

Борис Львов-Анохин, который гуляет сам по себе

Роман. проза. - 1998. - 18 апреля. - с. 4.

Театров в его прошлой жизни было три. И в каждом с появлением этого эстета с дворянской фамилией и хорошим вкусом (который, как считал Маршак, всегда совпадает с совестью) начинался настоящий театральный бум - лет на шесть-десять. Но рано или поздно на театральный бум находился другой бум - чиновничий. И тогда Львов-Анохин просто уходил

Длинный трюк с переодеваниями

В Театр Советской Армии Львов-Анохин пришел по любви - увидел на гастролях в родном Ленинграде спектакли Алексея Попова и сказал себе, что должен быть рядом с этим человеком. Но режиссерство ему не светило - взяли лишь во вспомогательный состав. Это значило, что он надевал все мундиры всех времен и армий, бегал с гиканьем в массовках - месяц, второй, третий, и уже приходил в отчаяние: в огромном коллективе огромного театра можно было и сто лет так пробегать, ни разу не попав под светлы поповские очи. Но один шанс есть всегда, был и там - обычай сезонных показов самостоятельных работ. И он сделал две режиссерские работы... На другой же день проснулся ассистентом главного в «Ревизоре»! А уж дальше пошли самостоятельные спектакли, и его пригласили главным в Театр Станиславского!

Как не дали превратить «Станиславского» в «Анюя»

- Там по тем временам была звездная труппа: Евгений Леонов, Урбанский, Филозов, Никишихина. Главный кое-что может, и я вытащил из Перми Георгия Буркова. Мы договорились, что ему надо осмотреться. «А на что я буду существовать?» - спросил он. Я сказал, что буду платить ему из собственного кармана. И вот в день зарплаты он входит ко мне в кабинет - и мнетя как-то. «Что такое?» - спрашиваю. «Ну-у... - мямлит, - вроде бы договаривались...». Потом он шутил, что получает жалованье хотя и небольшое, но зато из первых рук.

У нас были громкие спектакли - «Материнское поле», «Антигона»... Но как только театр стал приобретать определенное лицо - свой репертуар и театральный почерк, - начальство заволновалось. После «Антигоны» и «Медеи» Анюя я хотел было поставить и третье его пьесу - «Эвридику», и тут один высокий начальник говорит: «Вы же театр Станислав-

Борис Львов-Анохин
(слева) - на гастролях
в заснеженной Уфе.

ского, а не Анюя?!» Что ж тут дурного, ответил я: вот Таиров ставил три пьесы О'Нила... «Верно, но это ничем хорошим не кончилось».

Я просто ушел.

Гоголева

- Работой в Малом я обязан Гоголевой, которая вдруг позвонила мне и произнесла такой монолог: «Я знаю, что вы не любите меня как актрису. (Я промолчал - это было правдой, не был я поклонником такой вот приподнятой игры.) Да, я обросла штампами, но я хочу работать, и мне нужен режиссер. У меня юбилей - 80 лет, ради Бога, поставьте что-нибудь». Ее самобичевание меня и подкупило.

Дочь Куприна, Ксения, перевела с французского пьесу Сармана «Мамуре» с замечательной ролью 106-летней старухи. Эту роль она предлагала нескольким актрисам - те просто оскорбились, хотя в общем-то были не так уж далеки от этого возраста. А Гоголева взялась за это с рвением, работала, как юная ученица.

Иногда я был с ней излишне резок. Как-то сгоряча сделал ей массу замечаний, даже дразнил... Когда пыл прошел, подумал, что зря мастигую актрису при всех избиваю, нашел ее и говорю: «Елена Николаевна, обещаю, при всех вам буду делать только технические замечания, а все, что по сути, - это

потом». Она: «Что вы, это замечательно, что вы меня так обругали, так и все остальные подтянутся».

На репетиции в сцене смерти она очень плакала. Говорю: когда 106-летний мудрый человек, уходя из жизни, рыдает - а вы рыдаете из жалости к героине, - это нехорошо, этого не надо. Она: «А я не могу...» - «Тогда я прекращаю всякие репетиции, пока вы будете плакать!» Через неделю она подошла: «Вы знаете, я кажется дома отплакалась, давайте репетировать».

Спектакль имел оглушительный успех, и я остался в Малом на целые 10 лет. Поставил второй спектакль для Гоголевой - «Холопы» Гнедича, пьесу, в которой когда-то играла сама Ермолова. Дело в том, что когда Елена Николаевна сломала ногу и не могла полноценно ходить по сцене - казалось, что это конец, - я вспомнил, что Ермолова играла когда-то в «Холопах» роль, в которой по пьесе она сидит в кресле, потому что имитирует паралич ног. Я взял читать пьесу без всякой надежды. Оказалось, совершенно замечательная пьеса. И это тоже был спектакль, который имел большой успех. А потом Гоголевой не стало, не стало многих актеров, с которыми было интересно работать... А тут мы еще не сговорились с Юрием Соломиным - он к тому време-

ни был уже художественным руководителем Малого... И я опять ушел.

О «клякве», эпатаже и стиле

- Почему я ушел из благополучного Малого в окраинный Новый драматический? Да хотел быть свободен. Это и в самые «те» годы мне удавалось, а сейчас-то - сам Бог велел... Мы ставим странные пьесы - либо забытые, либо те, что никогда не ставились - «Орленок» Ростана, «Письма Асторна» Хемптона, «Реванш королевы» Скриба, - пьесы изысканные, на которых актеры учатся стилю.

Одна критикесса из молодых как-то сказала: «Что вы все говорите об эстетической законченности, изяществе - да кому это сейчас нужно. Нужны китч, эпатаж, «кляквы», наконец...» К счастью, это неверно! Я не могу полагаться на успех у публики. Тяга к красоте, к изяществу - она все еще существует в людях, хотя эта же публика может клевать на вещи грубые и пошлые. И тем эта тяга сильнее, чем пошлее реклама, чем фривольнее газеты, чем бесстыднее звезды, участвующие в халтурных спектаклях... Уж поверьте мне на слово - я столько лет в театре и кое-что в этом понимаю!

Гузель АГИШЕВА.